

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ В 1914 Г. И ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ БОЛГАРСКИХ ПОПЫТОК ВЕРНУТЬ РУССКИЕ СИМПАТИИ*

Никита Сергеевич Гусев

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: gusevns@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Аннотация

В статье рассматривается попытка болгарского посланника в Петербурге Р. Дмитриева улучшить отношение русского общества к Болгарии. Поводом для этого являлось открытие в российской столице памятника великому князю Николаю Николаевичу Старшему, командовавшему русской армией в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. На монументе были изображены знаменосцы, у которых были реальные прототипы. Р. Дмитриев предложил отправить болгарского знаменосца, а вместе с ним и делегацию представителей страны. Но в то же время аналогично поступили и сербы, румыны и черногорцы. Николай II удостоил аудиенции все балканские делегации, их участников наградили российскими орденами. Р. Дмитриев в своем докладе в Софию представил все в выигрышном тоне и доложил, что заложены основы для противостояния сербской и греческой пропаганде в России. Однако порядок всех церемоний отводил Болгарии место после Румынии и Сербии, что недвусмысленно указывало на приоритеты России и ставило крест на попытках поднять вопрос о ревизии Бухарестского договора 1913 г. Вдобавок в публичном пространстве торжества в связи с открытием памятника были замещены празднованием рождения князя императорской крови Всеволода Иоанновича, на крещение которого прибыл его дядя сербский престолонаследник Александр, а также премьер Н. Пашич. Последовавшая вскоре Первая мировая война окончательно погубила возможности изменений имиджа Болгарии в лучшую сторону, а революция 1917 г. привела и к сносу самого памятника Николаю Николаевичу.

Ключевые слова

Болгария, Россия, Первая мировая война, Николай Николаевич Старший, Р. Дмитриев, информационные войны

Статья поступила в редакцию 18 августа 2022 г.

Цитирование: *Гусев Н.С.* Открытие памятника великому князю Николаю Николаевичу в 1914 г. и одна из последних болгарских попыток вернуть русские симпатии // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2022. Т. 17. № 3–4. С. 25–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.02>

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-59-18004.

THE UNVEILING OF THE MONUMENT TO GRAND DUKE NIKOLAI NIKOLAEVICH IN 1914 AND ONE OF THE LAST BULGARIAN ATTEMPTS TO REGAIN RUSSIAN SYMPATHIES

Nikita S. Gusev

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: gusevns@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Abstract

This article considers the attempt of the Bulgarian envoy in St. Petersburg, R. Dimitriev, to improve the attitude of Russian society to Bulgaria. The occasion was the unveiling of a monument dedicated to Grand Duke Nikolai Nikolaevich the Elder, who commanded the Russian army in the Russo-Turkish War of 1877–1878. The monument depicted flag bearers modelled on real individuals. R. Dimitriev proposed to send a Bulgarian flag bearer, and with him a delegation of representatives of the country. However, the Serbs, Romanians, and Montenegrins did the same. Nicholas II granted an audience to all the Balkan delegations and all the participants of the delegations were awarded Russian orders. In his report to Sofia, R. Dimitriev presented everything in a winning tone and reported that the foundations had been laid to combat Serbian and Greek propaganda in Russia. However, the order of the ceremonies assigned Bulgaria a place after Romania and Serbia, which clearly indicated Russian priorities and put an end to attempts to raise the issue of revising the Bucharest Treaty of 1913. In addition, in the public space, the celebrations in connection with the unveiling of the monument were replaced by the celebration of the birth of Prince of the Imperial Blood Vsevolod Ioannovich, whose baptism was attended by his uncle, Serbian heir to the throne Alexander, as well as Prime Minister N. Pašić. World War I, which soon followed, finally ended the possibility of changing the Russian image of Bulgaria for the better, and the revolution of 1917 led to the demolition of the monument to Nikolai Nikolaevich.

Keywords

Bulgaria, Russia, the First World War, Nicholai Nikolaevich the Elder, R. Dimitriev, information wars

Received 18 August 2022

How to cite: Gusev, N.S. 2022. Otkrytie pamiatnika velikomu kniazuiu Nikolaiu Nikolaevichu v 1914 g. i odna iz poslednikh bolgarskikh popytok vernut' russkie simpatii [The opening of the monument to Grand Duke Nikolai Nikolaevich in 1914 and one of the last Bulgarian attempts to return Russian sympathies]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 25–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.02>

Первая балканская война, в которой союзные болгары, сербы, греки и черногорцы разгромили Османскую империю, вызвала в русском обществе широкий отклик, породила надежды на единение славян и рождение новой великой державы — южнославянского союза. Тем больше оказалась горечь от Второй балканской войны, в которой Болгария сразилась со вчерашними союзниками из-за дележа Македонии, вдобавок подверглась нападению Румынии и Турции и была вынуждена признать свое поражение. Тот факт, что именно болгары напали первыми, нанес серьезный удар по восприятию их обществом Российской империи. В то же время сохранились и отдельные рупоры общественного мнения, призывавшие скорректировать в положительную сторону отношение к стране¹. Однако это неминуемо затрагивало вопрос о ревизии Бухарестского мира, ставшей на годы вперед приоритетом внешней политики официальной Софии и одним из главных чаяний болгарского народа. Надежд на ревизию было мало, но вчерашние союзники Болгарии не могли допустить даже возможности обсуждения данного вопроса, а потому прилагали усилия к дальнейшему ухудшению образа противника.

Осенью 1913 г. пост болгарского посланника в Петербурге занял генерал Р. Димитриев, тесно связанный с Россией, симпатии которого к России были широко известны. Он был переводчиком в русской армии в ходе войны 1877–1878 гг., окончил Николаевскую академию Генштаба, принял участие в заговоре офицеров-русифилов и свержении князя Александра Баттенберга, после чего был вынужден бежать в Россию, где его приняли на военную службу. Лишь после нормализации отношений Софии и Петербурга он смог вернуться на родину, где продолжил службу. В 1912 г. он прославил себя победами над турками, а в 1913 г. болгарское правительство безуспешно пыталось использовать его авторитет и связи для давления на российское правительство в вопросе урегулирования отношений с соседями. После смены внешнеполитической ориентации царь Фердинанд решил удалить популярного военачальника из Болгарии, отправив его в Петербург².

В донесениях Р. Димитриев сообщал, что несмотря на окончание Балканских войн сербская пропаганда лишь усиливалась. Его неоднократные обращения в МИД не приносили результата — средства на поддержку сторонников Болгарии не выделялись, в то время как, по его словам, сербы

¹ Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. С. 452–456; Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 111–112.

² Гусев Н.С. Судьба Радко Димитриева и память о нём в контексте российско-болгарских отношений конца XIX — начала XX в. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (6). С. 9–11.

щедро раздавали ордена, подарки, субсидии и устраивали банкеты³. Посланник, чьи русофильские настроения были широко известны, проявил инициативу, попытавшись самостоятельно привлечь к этому противостоянию проживающих в Петербурге болгар. Он просил их выступать на публичных собраниях, в печати и обещал открыть доступ к библиотеке и архиву дипломатической миссии⁴. Но успехи были незначительны. В то же время болгары оказывались объектами провокаций. Так, в декабре 1913 г. один из редакторов газеты «Новое время» получил конверт, в котором лежал чек на 2 тысячи левов, оплаченный Болгарским народным банком и подписанный неким Спирос Дыловым. Возмущенный попыткой подкупа журналист явился к Р. Димитриеву, тот обещал разобраться. В итоге выяснилось, что Болгарский народный банк платежное поручение с таким номером выдал на имя другого лица, а среди сотрудников банка Спирос Дылов не числился. Болгарский посланник в донесении предположил, что это греческая интрига, организатором которой является греческий агент Х. Вамвакас⁵. Фактически Р. Димитриев был вынужден отбиваться от нападок бывших союзников. Такая оборонительная позиция его не устраивала, и он искал повод перейти в информационное контрнаступление. И такой повод нашелся.

В январе 1914 г. планировалось открытие в Петербурге памятника великому князю Николаю Николаевичу Старшему, главнокомандующему в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. А война, освободившая Болгарию, всегда была выигрышной картой в руках Софии при необходимости напомнить о славном совместном прошлом и нерушимых связях России и Болгарии. Весь монумент, созданный итальянским скульптором П. Каноника, напоминал о войне и боевом братстве русских, болгар, сербов, румын и черногорцев.

На глыбе из финляндского гранита возвышалась бронзовая композиция. Венчала ее конная статуя великого князя в походной форме и с фельдмаршальским жезлом. Под ним размещались четыре горельефа. На переднем на фоне панорамы Сан-Стефано изображалась возглавляемая Николаем Николаевичем группа всадников, среди которых были престолонаследник, будущий император Александр III, румынский король Кароль, генералы И.В. Гурко, Ф.Ф. Радецкий, М.Д. Скобелев, А.А. Непокойчицкий и другие. На правом горельефе воспроизводились события 9 августа 1877 г. под горой Св. Николая, а на левом — сражение 30 августа 1877 г. за Гривицкий редут под Плевной. На заднем же горельефе были помещены фигуры пяти

³ Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 106. Л. 20б.

⁴ *Цачевски В.* Радко Димитриев: генералът, който прослави България. Пловдив: Бисер, 2020. С. 188–189.

⁵ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 1208. Л. 1–5. (Выяснить детали биографии Х. Вамвакаса не удалось — прим. Н. Г.).

знаменосцев, символизирующие единство армии Николая Николаевича — за русским следовали болгарский, сербский, румынский и черногорский. При этом каждый ваялся на основании реального знаменосца — участника войны 1877–1878 гг.⁶

Р. Димитриев решил воспользоваться случаем для напоминания о позитивных моментах совместного российско-болгарского прошлого. 22 декабря 1913 г. он направил в Софию донесение с предложением прислать Ангела Герчева, послужившего прообразом для фигуры на памятнике Николаю Николаевичу. В Софии решили сделать делегацию более солидной и предложили включить в нее бойцов болгарского ополчения и несколько чинов действующей армии. В итоге в Петербург направились генерал-майор Георги Тодоров, его адъютант майор Сотир Маринков и участники ополчения⁷ Григор Найденов, Теодор Киров, Георги Табаков, Лазар Пецев, Никола Семов и Ангел Герчев. 2 января они выехали в Россию⁸. Для закрепления успеха 31 декабря посланник запросил 1500 левов для организации «официального обеда для некоторых нужных лиц из высшего общества», но запрос пришлось повторить 9 января 1914 г., и лишь после этого средства были направлены⁹.

Однако вчерашние союзники поняли опасность узурпации болгарскими властями внимания и не желали потворствовать триумфу болгарофилии и умиленных воспоминаний о русско-болгарском боевом братстве и общем прошлом, сколь бы ни был их эффект ограниченным. А потому направили аналогичные депутации. 6 января в Петербург выехала румынская¹⁰ (генерал Константин Хыржеу, полковник Еремия Григореску, капитан Александру Филитти), 7 — сербская (генерал Милутин Маринович, полковник Живко Павлович, ротмистр Мирко Маринкович) и черногорская¹¹ (помощник военного министра генерал-майор Йово Бичер, майор Мартинович, знаменосец Савва Мартинович)¹². 9 января прибыли в Петербург румыны, 10-го — сербы, 11-го — черногорцы¹³.

Болгарская делегация прибыла несколько ранее. По словам Р. Димитриева, ее разместили «в хорошей гостинице», к ним были приставлены капитан А.К. Андерс и сотник лейб-гвардии казачьего полка А.А. Мосолов.

⁶ Речь. 1914. 10 I.

⁷ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 1-9.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 4 I.

⁹ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 12-14.

¹⁰ Речь. 1914. 7 I.

¹¹ Там же. 8 I.

¹² Отметим, что русские газеты, как обычно, допускали опечатки и неточности при воспроизведении южнославянских и румынских имен и фамилий, поэтому списки трех делегаций имеют в значительной мере характер реконструкции. Списки приведены на основе изданий: Русский инвалид. 1914. 14 I; Речь. 1914. 19 I.

¹³ Речь. 1914. 10 I; Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 12 I.

Последнего, согласно донесению посланника, назначил лично император¹⁴. Невысокое звание Мосолова не должно вызывать удивления, поскольку сотник А.А. Мосолов являлся сыном генерала А.А. Мосолова — человека не только близкого к Николаю II, но и тесно связанного с Болгарией: он участвовал в Русско-турецкой войне, служил начальником конвоя первого болгарского князя Александра Баттенберга. Не менее интересна и фигура А.К. Андерса — будущего советского комдива, но на тот момент лишь помощника делопроизводителя Главного управления Генштаба¹⁵.

По сообщениям газет, 9 января болгарская делегация во главе с посланником нанесла визиты военному министру В.А. Сухомлинову, его помощнику А.П. Вернандеру, начальнику Генерального штаба Я.Г. Жилинскому, главе МИД С.Д. Сазонову, столичному градоначальнику Д.В. Драчевскому. В тот же день в ресторане «Вена» состоялся сотый славянский обед¹⁶. К сожалению, выяснить его детали не удастся, но исходя из того, что в тот день в российской столице уже пребывали болгары, на этом мероприятии и им могла достаться своя минута славы.

Согласно же донесению Р. Димитриева, посещение С.Д. Сазонова состоялось 10 января¹⁷. На нем глава российской дипломатии проявлял хорошее отношение к Болгарии, дружелюбно расспрашивал о положении в стране, однако в заключение сообщил, что имеет информацию, согласно которой «по некоторым признакам Болгария заключила или заключит союз с Турцией»¹⁸. Посланник в донесении не указал, как он ответил на слова С.Д. Сазонова. На следующий день в Петропавловском соборе болгарские делегаты участвовали в панихиде по Александру II, Александру III, великим князьям Николаю Николаевичу, Михаилу Николаевичу, Владимиру Александровичу и возложили на их могилы венки¹⁹.

11 января в Царском Селе все балканские делегации посетили Николая II²⁰. Каждая удостоилась аудиенции, при которой присутствовали командир императорского конвоя Г.И. Трубецкой, помощник начальника военно-походной канцелярии императора К.А. Нарышкин, штаб-офицер для поручений при императорской Главной квартире А.А. Дрентельн, флигель-адъютант А.И. Воронцов-Дашков²¹. По донесению Р. Димитриева,

¹⁴ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 20об.

¹⁵ Автор выражает благодарность В.Б. Каширину за помощь в идентификации румынских офицеров, А.К. Андерса и А.А. Мосолова.

¹⁶ Речь. 1914. 10 I; Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 11 I.

¹⁷ На донесении стоит дата 12 января и указано, что визит к главе МИД состоялся «вчера». Однако в этом же документе говорится о визите к императору «сегодня», но посещение Николая II имело место 11 января, следовательно, в указанном сообщении посланника даты смещены на один день.

¹⁸ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 15.

¹⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 12 I; Русский инвалид. 1914. 12 I.

²⁰ Речь. 1914. 12 I.

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 14 I.

Николай II вопросов не задавал, но присутствовавший глава правительства В.Н. Коковцов интересовался экономикой, выразил радость, что Болгария быстро восстанавливается. Как резюмировал посланник, у российских высших должностных лиц остались приятные впечатления от делегации²².

12 января должно было состояться открытие памятника, подготовка к нему шла заранее. Уже с 1 января участники войны 1877–1878 гг. могли получить в Петербурге пригласительные билеты²³, 8–9 января в столицу прибыли делегации полков, где числился Николай Николаевич²⁴. В прессе вспоминали деяния великого князя. Историк и публицист В.Г. Гейман в газете «Новое время» рассказав о том, как принималось решение об отказе от штурма Константинополя в 1878 г., выразил надежду, что «может быть, еще исполнится заветная мечта великого князя и недовершенное совершится»²⁵.

День 12 января выдался пасмурным, температура стояла около нуля градусов²⁶. С 9:30 часов на Манежную площадь стали прибывать войска, выстраивавшиеся треугольником. В рядах войск заняли места военный министр и великие князья. Сквер вокруг памятника был обнесен решеткой с зелеными гирляндами и георгиевскими флагами. Перед Михайловским манежем соорудили палатку, в которой находились невестки Николая Николаевича Старшего, великие княгини Анастасия (Стана) и Милица Николаевны, с дочерьми Еленой и Мариной и сыном Милицы Николаевны Романом. Вокруг палатки разместились официальные лица, члены балканских делегаций, а на построенных вдоль фасада манежа трибунах — многочисленные приглашенные лица.

К 11 часам утра прибыл Николай II. «Забил барабаны, засвистели флейты, зазвучали горны, склонились перед царем знамена и штандарты его войска, музыка играла встречу», — писало «Новое время»²⁷. Началось торжественное богослужение, которое вел протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский. После матросы сдернули холст с памятника, с Петропавловской крепости прозвучал 51 выстрел салюта, а с близлежащих церквей — колокольный звон. Г.И. Шавельский освятил памятник, затем император обошел монумент вместе с его автором и принял парад, которым командовал великий князь Николай Николаевич Младший. В начале первого часа Николай II отбыл. Следом началось возложение венков. Балканские делегации совершили это в следующем порядке: румыны, сербы, болгары и черногорцы. Надписи на их венках были соответственно: “Carol I Regele României 1877–1914”, «Благодарная Сербия — великому

²² ЦДА. Ф.176К. Оп.2. А. е.1445. Л. 15.

²³ Речь. 1914. 1 I.

²⁴ Речь. 1914. 10 I.

²⁵ Новое время. 1914. 11 I.

²⁶ Толстой И.И. Дневник, 1906–1916. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, 1997. С. 480.

²⁷ Новое время. 1914. 13 I.

князю Николаю Николаевичу», «От признательной Болгарии — великому князю Николаю Николаевичу, незабвенному главнокомандующему в Освободительной войне», «Николай I, король Черногории — победоносному вождю русской армии генерал-фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу». Венки возложили делегации от полков, общественные организации, всего их было около 20²⁸.

«По окончании церемонии возложения венков и по отбытии высочайших особ публика была допущена обозревать новый величественный монумент, несомненно, являющийся одним из лучших в северной столице», — писала газета «Русский инвалид»²⁹.

Однако далеко не все были согласны с искусствоведческими оценками печатного органа военного министерства. Еще до открытия памятника искусствовед А.А. Ростиславов предупреждал в «Речи» — России «грозит изобилие памятников», созданных авторами не самого высокого уровня. «Задача, посильная только самым выдающимся художникам страны, оправдываемая только их участием, разрешается ведомствами и обществами, не имеющими никакого касательства к искусству, поручается заведомым посредственностям или обласканным фортуной любителям», — заявлял он³⁰. И оказался прав. «Теперь, под открытым небом, он (памятник. — *Прим. Н. Г.*) мне еще меньше понравился, чем когда я обозревал его в деревянной мастерской», — записал в тот день в дневнике петербургский городской голова И.И. Толстой³¹. Не был в восторге и шеф жандармов В.Ф. Джунковский: «В художественном отношении памятник этот оставлял желать много лучшего и не производил должного впечатления»³².

Однако художественная сторона вопроса мало интересовала Р. Дмитриева, и он ее не отразил в своем донесении в Софию. Но сообщил, что 12 января вечером великий князь Николай Николаевич Младший дал торжественный обед. «Мы по степени были поставлены после румын и сербов», — докладывал посланник. Тосты поднимались за правителей и армии всех четырех стран, которые представляли делегаты³³.

Вскоре члены делегации были награждены российскими орденами. В основном орденом св. Станислава — младшим орденом империи, и орденом Св. Анны, стоявшим на ступень выше. Р. Дмитриев получил мечи к Св. Анне I ст., военный агент в Петербурге Б. Сирманов — золотой портсигар с эмалью, Г. Тодоров — Св. Станислава I ст., С. Маринков, Т. Киров, Г. Табаков — Св. Станислава II ст., Г. Найденов — Св. Анну II ст., Л. Пецев

²⁸ Новое время. 1914. 13 I. Русский инвалид. 1914. 14 I. Речь. 1914. 13 I.

²⁹ Русский инвалид. 1914. 14 I.

³⁰ Речь. 1914. 3 I.

³¹ Толстой И.И. Дневник. С. 480.

³² Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2-х томах. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1997. Т. 2. С. 269.

³³ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 17.

и Н. Семов — Св. Анну III ст., А. Герчев — знаки ордена Св. Анны. 17 января болгарская делегация уехала³⁴. Аналогичные награды получили и члены румынской, сербской и черногорской делегаций.

В своем отчете Р. Димитриев представил все в максимально позитивном виде и доложил об успехе миссии. Великому князю Петру Николаевичу на торжественном обеде посланник говорил, что инициатива прислать делегацию исходила от болгар, а остальные балканские страны лишь воспользовались болгарской идеей. Награждение мечами к ордену Св. Анны посланник тоже описал духе победной реляции: «Это произвело тут известное впечатление и комментируется как особое внимание к болгарам, поскольку такие знаки даются только за военные заслуги русским подданным-генералам». По его словам, он неоднократно слышал от представителей российского общества выражение горечи от постигшей Болгарию беды, советы примириться с Россией и прежде всего с императором, чувствующим себя оскорбленным из-за того, что его призывы в 1913 г. не были услышаны. «Это хорошее начало, которое, если развивать, в будущем в значительной мере парализует греческие и сербские интриги против нас», — констатировал Р. Димитриев³⁵.

Впрочем, в действительности Р. Димитриев делал хорошую мину при плохой игре. Во-первых, ситуация с орденами была несколько сложнее. Действительно, в сербской делегации высшую награду получил ее глава М. Маринович, и это был орден Св. Станислава I ст. Аналогичного был удостоен и приехавший во главе болгар Г. Тодоров. В то же время руководителя румынской делегации К. Хержеу наградили орденом Св. Анны I ст. При номинальном равенстве стоит учитывать то, что Р. Димитриев являлся уже широко известным военачальником, бывшим российским офицером и имел статус посланника.

Во-вторых, Р. Димитриев хоть и сообщил, что болгары во всех церемониях шли третьими, но будто не придавал этому значения. Если не учитывать черногорскую делегацию, представлявшую страну, которую вряд ли официальный Петербург считал потенциально значимой силой в возможном общеевропейском конфликте, то болгарская делегация становится последней в ряду балканских союзников. Порядок всех мероприятий недвусмысленно указывает на приоритеты России на Балканах — Румынию и Сербию, а именно к ним у болгар были непримиримые территориальные претензии. Очевидно, что в такой ситуации речи о ревизии Бухарестского мира идти не могло.

В то же время сам факт напоминания о русско-болгарском боевом братстве, акцентирование внимания на благодарности Болгарии к России, конечно, можно рассматривать как начало реабилитации страны. Впрочем,

³⁴ Речь. 1914. 19. I.

³⁵ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 19-21.

как известно, в разговоре запоминается последняя фраза. А здесь болгарам не удалось достичь успеха. Связанные с Болгарией торжества были вытеснены в общественно-политическом пространстве рождением князя императорской крови Всеволода Иоанновича — сына князя императорской крови Иоанна Константиновича и Елены Петровны, дочери сербского короля.

На торжества приехал родной дядя новорожденного — сербский престолонаследник Александр, его сопровождал премьер Н. Пашич, которого в Петербурге хорошо знали и которому заметно симпатизировали. Уже на следующий день после открытия памятника Николаю Николаевичу газеты писали об их прибытии³⁶. Сербский престолонаследник сразу же осмотрел памятник, а премьер посетил С. Д. Сазонова и В. Н. Коковцова³⁷. 14 января был день небесного покровителя Сербии Св. Саввы, и литургию в присутствии сербских официальных лиц служил ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии Анастасий (Александров); 15 января состоялось освящение Федоровского собора, заложенного в честь 300-летия Дома Романовых. Естественно, на такое важное событие позвали и сербского престолонаследника. О его визитах, о визитах к нему в Зимний дворец, где он как монаршая особа был удостоен чести разместиться, о его завтраках с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, теткой Милицей Николаевной и ее супругом Петром Николаевичем, участии в различных торжествах пресса регулярно сообщала³⁸. Очевидно, все воспоминания о торжествах с участием болгар в памяти современников были замещены сообщениями о представителях Сербии. Наконец, болгарские награды явно уступали бриллиантам к ордену Св. Александра Невского, которых в те дни был удостоен Н. Пашич³⁹. На уровне протокола это было закономерно в силу различного официального статуса награжденных, но для менее искушенного постороннего зрителя не могло не вызывать размышлений. 20 января Николай II дал аудиенцию сербскому премьеру, 21-го — только что прибывшему в Петербург греческому главе правительства⁴⁰.

Такой интенсивный информационный поток и высокий уровень приема болгары организовать не могли. И дело не только в отсутствии повода, аналогичного тому, которым воспользовались сербы. Премьер В. Радославов

³⁶ Речь. 1914. 13 I.

³⁷ Речь. 1914. 14 I. Правда, на этой встрече С. Д. Сазонов обсуждал с Н. Пашичем вопрос о необходимости уступок со стороны Сербии для примирения с Болгарией. Сербский премьер в ответ указывал на большую значимость Сербии, нежели Болгарии в будущем вооруженном противостоянии с Австро-Венгрией, а потому и нецелесообразность усиления Болгарии во вред Сербии. Тем не менее во время пребывания в Петербурге Н. Пашич давал Р. Димитриеву туманные обещания о возможности пересмотра границ в Македонии (*Илчев И.* Болгария и Антантата през Първата световна война. София: Наука и изкуство, 1990. С. 43).

³⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 14, 16, 21 I; Речь. 1914. 16, 19 I.

³⁹ Речь. 1914. 19 I.

⁴⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 22 I.

всегда в России воспринимался негативно, и если Н. Пашич слыл русофилом, то В. Радославов — русофобом. А потому отправление его в Петербург могло принести в лучшем случае демонстрацию нейтрального отношения. Посланник Р. Димитриев в личном письме царю советовал при первом удобном случае самому посетить Петербург или отправить в российскую столицу престолонаследника, чтобы «изгладить чувство огорчения императора», и не сомневался в радушном приеме⁴¹. Однако с этим заключением нельзя согласиться. Царь Фердинанд, ранее неоднократно посещавший российскую столицу, после лета 1913 г. воспринимался как предатель всего славянства, а потому и его визит не мог принести никакой пользы. С другой стороны, престолонаследник Борис являлся крестником Николая II, и в публичном пространстве не был связан с принятием решений. Ему уже исполнилось 19 лет, он принимал участие в торжественных церемониях, организованных монархами Англии, Португалии и России. Однако все же нужен был повод, который выдумать в той ситуации оказалось сложно.

Правда, возможно, что и в Софии не считали необходимым вести борьбу на поле русского общественного мнения. Сопровождавшееся скандалом в парламенте утверждение займа банка «Дисконто Гезельшафт» в 1914 г. продемонстрировало всей Европе, что для действующего болгарского правительства вопрос внешнеполитической ориентации фактически решен⁴². Хотя болгарское правительство до вступления в Первую мировую войну и продолжало торг с Антантой и Центральными державами о получении Македонии в качестве награды за выступление на той или иной стороне, заранее было очевидно, что Россия в отличие от своих оппонентов не сможет полностью пренебречь мнением Сербии⁴³. Недаром Р. Димитриеву приходилось повторять свои просьбы, связанные с обеспечением проболгарской агитации в Петербурге. Посланник оставался один в этой борьбе, ведя ее из идейных соображений и не чувствуя поддержки со стороны своего государства. Естественно, такая борьба в ситуации после Балканских войн была обречена на провал и сиюминутные успехи, подобные торжествам в связи с открытием памятника, преломить ситуацию не могли. В итоге Р. Димитриев 25 июля 1914 г. подал рапорт об увольнении с болгарской службы и поступил в русскую армию. Он отправился на фронт, надеясь хотя бы таким способом повлиять на отношение русского общества к своим соплеменникам и к своей родине⁴⁴.

⁴¹ Цачевски В. Радко Димитриев. С. 190.

⁴² Бирман М.А. Реакция в Болгарии // За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2002. С. 79–80.

⁴³ Шкундин Г.Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916 г.). София: Проф. Марин Дринов, 2007. С. 15–22.

⁴⁴ Гусев Н.С. Судьба Радко Димитриева и память о нем в контексте российско-болгарских отношений конца XIX — начала XX вв. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (6). С. 11–12.

Литература

- Бирман М.А. Реакция в Болгарии // За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2002. С. 78–83.
- Гусев Н.С. Судьба Радко Димитриева и память о нем в контексте российско-болгарских отношений конца XIX — начала XX вв. // Вестник МГИМО-Университета. 2019 № 12 (6). С. 7–27.
- Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020.
- Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София: Наука и изкуство, 1990.
- Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112.
- Цачевски В. Радко Димитриев: генералът, който прослави България. Пловдив: Бисер, 2020.
- Шкундин Г.Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916 г.). София: Проф. Марин Дринов, 2007.

References

- Birman, M.A., 2002. Reaktsiia v Bolgarii [Reaction in Bulgaria]. In: V.N. Vinogradov, ed., 2002. *Za balkanskimi frontami Pervoi mirovoi voiny* [Behind the Balkan fronts of the First World War]. Moscow: Indrik, pp. 78–83. (in Rus.)
- Gusev, N.S., 2020. *Bolgariia, Serbiia i russkoe obshchestvo vo vremia Balkanskikh voyn 1912–1913 gg.* [Bulgaria, Serbia and Russian Society During the Balkan Wars (1912–1913)]. Moscow: Indrik. (in Rus.)
- Gusev, N.S., 2019. Sud'ba Radko Dimitrieva i pamiat' o nem v kontekste rossiisko-bolgarskikh otnoshenii kontsa XIX — nachala XX vv. [The Fate of General Radko Dimitriev and His Memory in Context of Russian-Bulgarian Relations of the Late 19th — Early 20th centuries]. *MGIMO Review of International Relations*, 12 (6), pp. 7–27. (in Rus.)
- Ilchev, I., 1990. *Bŭlgariia i Antantata prez Pŭrvata svetovna voina* [Bulgaria and the Entente During the First World War]. Sofia: Nauka i izkustvo. (in Bulg.)
- Kotov, B.S., 2015. Mezhsioiuznicheskaiia voina leta 1913 goda v vospriatii russkogo obshchestva (po materialam pressy) [Inter-Union War in the Summer of 1913 in the Perception of Russian Society (Based on the Press)]. *Modern and Contemporary History*, 3, pp. 101–112. (in Rus.)
- Shkundin, G.D., 2007. *Razdeliai i vlastvui! Vopros o separatnom mire s Bolgariie v politike derzhav Antanty (oktiabr' 1915 — mart 1916 g.)* [Divide and Conquer! The Question of a Separate Peace with Bulgaria in the Policy of the Entente Powers (October 1915 — March 1916)]. Sofia: Prof. Marin Drinov. (in Rus.)
- Tsachevski, V., 2020. *Radko Dimitriev: generalŭt, koito proslavi Bŭlgariia* [Radko Dimitriev: the General who Glorified Bulgaria]. Plovdiv: Biser. (in Bulg.)